

А. С. ТВЕРИТИНОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ
ПЕРВОГО АНТИФЕОДАЛЬНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТУРЦИИ

Бесконечные междоусобные войны малоазиатских феодалов в период после нашествия Тимура (1402) всей своей тяжестью легли на плечи крестьянских масс, которые подвергались жестокому ограблению отрядами воюющих между собой эмиров и наследников султана. В связи с этим как сельскому, так и городскому населению приходилось выполнять многочисленные и тяжелые повинности в пользу феодальных владельцев, требовавших средств на содержание своих военных дружин. В некоторых хрониках XV в. получили отзвук жалобы народных масс на ухудшение их положения. Так, в одной из них мы встречаем выражение недовольства по поводу того, что казна султана стала расти за счет увеличения поборов с народа. По мнению летописца, это было результатом „жадности“ многих сановников. „А там, где появляется жадность, — заключает он, — там и притеснения. Иначе не бывает“¹.

„Во времена Османа, — узнаем мы из другого источника, — были распределены земли, которыми владели реая, служившие своим господам. Теперь этот закон нарушен. С них (с крестьян. — А. Т.) снова взяли тапу (плата за право пользования землей. — А. Т.) и собрали большие суммы... и это стало постоянным явлением...“².

Такого рода жалобы, несомненно, являлись выражением растущего недовольства народных масс усиливающимся феодальным гнетом. Это недовольство народа вылилось в открытое выступление в 1410 г., когда жителями одной из деревень Южной Фракии был убит сын султана Баязида — Сулейман. По этому поводу в хронике сообщается: „Этот народ убил эмира Сулеймана для того, чтобы стало спокойнее. Потому что как только (беи) пойдут друг против друга, — народу от этого — притеснения. Потому-то они его схватили и уничтожили. Они считали, что спасут себя от беды, однако попали в еще большую“³.

Когда брат Сулеймана — Муса Челеби — узнал о том, что случилось с эмиром Сулейманом, он прибыл в упомянутую деревню и сжег жителей ее в их домах, говоря, — пусть другие не осмелятся поднимать руки на падишахов⁴.

¹ Турецкая анонимная хроника *تواریخ آل عثمان* — Рукопись Готской библиотеки, № Т. 149, л. 14-а.

² F. Babinger. Die Chronik des Qaramani Mehmed paşa. Mitteilungen zur osmanischen Geschichte (MOG), Bd. II, Hft. 3—4, Wien, 1926, S. 245 — 245.

³ Турецкая анонимная хроника, Ук. ркп., л. 27-а.

⁴ Там же.

Таким образом, несмотря на междоусобия и раздоры между сыновьями Баязида и другими бейами, их классовая политика основывалась на общем и едином принципе — они принимали все меры к тому, чтобы держать в повиновении народные массы.

Мехмед I, вышедший победителем из длительной междоусобной борьбы с братьями и ставший султаном, продолжал вести непрерывные войны с отдельными анатолийскими эмирами, стремясь добиться признания своей верховной власти. Особенно упорной была борьба с эмиром Карамана, который, воспользовавшись тем, что Мехмед со своим войском переправился в Румелию, снова двинулся к Бурсе, грабя и разрушая все встречавшиеся на пути селения⁵. Разбив войска караманского бейа и уничтожив последнего, Мехмед предпринял поход в Валахию, жители которой вели упорную борьбу против обложения их данью. Силою оружия Валахия была усмирена. Султанские войска вернулись из этого похода с большой добычей и множеством пленных рабов⁶.

Вслед за тем Мехмед со своими войсками снова оказывается в Анатолии, в районе Токата и Кастамону, откуда было совершено завоевание крепостей Самсун и Джанык. В результате всех этих завоеваний приближенные султана и военная знать поделили захваченные земли. Сидящие на этих землях крестьяне обязывались выполнять разнообразные повинности в пользу землевладельцев.

Расширение Османских владений и упрочение позиций феодальных владетелей, с которыми было связано усиление эксплуатации крестьянства, и явилось причиной первых в истории Османского государства антифеодальных восстаний, охвативших во втором десятилетии XV в. значительные районы Малой Азии и балканских владений турецких султанов.

Восстаниями были объята районы, более всего подвергавшиеся феодальным междоусобицам и нашествиям турецких войск. Жители этих районов испытывали особенно жестокий гнет турецких феодалов. Главными очагами антифеодальной борьбы крестьян явились поэтому Западная Анатолия (Айдын, Маниса), а также Валахия и юго-восточные районы Болгарии. В этих восстаниях объединились народы, различные по своей этнической принадлежности и религиозным воззрениям, что свидетельствовало об одинаково тяжелой участи всех, кто попадал под пяту турецких феодалов.

Глубокий протест народных масс против режима, установленного турецкими феодалами, выразился в создании особого религиозно-сектантского учения, которое объединило как мусульман, так и христиан под лозунгом всеобщего имущественного равенства и единобожия. Типичная для феодального времени религиозная оболочка этих восстаний не может скрыть их глубокой социальной основы.

В буржуазной историографии не вскрывается социальная сущность этих восстаний; на первый план выдвигаются религиозные лозунги движения и только в религиозных расприх усматривается причина народных восстаний. Поскольку по вопросу об этих движениях имеется довольно значительная литература, то очень важно разобраться в ней и дать ей должную оценку.

Народное движение в Османском государстве в начале XV в. получило у современников широкую известность, и сведения о нем проникли почти во все повествования, отражающие события того вре-

تواريخ آل عثمان ٥ قوجه حسين — Рукопись ИВ АН СССР, № С. 564, л. 144 (далее: Коджа Хюсеин).

⁶ Коджа Хюсеин, л. 146-6.

мени, не только турецких, но и византийских, а также персидских авторов. Как современники, так и позднейшие авторы во всех этих событиях на первое место выдвигали в качестве идейного руководителя восставших известнейшего в то время ученого-суфия шейха Бедреддина, приписывая ему, как создателю религиозно-мистического учения, главенствующую роль в движении. Буржуазные исследователи истории Турции, знакомясь с источниками, разумеется, не могли пройти мимо всех многочисленных сообщений о шейхе Бедреддине и о вызванном будто лишь под влиянием его учения широком религиозно-сектантском движении.

Первым, кто суммировал сведения о шейхе Бедреддине и его учении, о действиях Мустафы Бёрклюдже и Торлака Кемаля, как сподвижников Бедреддина, был Иозеф фон Гаммер, автор фундаментальной „Истории Османского государства“. Не вдаваясь в анализ причин и характера движения, которое он назвал „восстанием дервишей“, Гаммер свел воедино сведения из привлеченных им источников — сочинений турецких авторов XV—XVI вв. — Нешри, Ашикпашазаде, Мустафы Аали, Садеддина, курда Идриса Битлисского, писавшего по-персидски, и исторической хроники византийца Дуки⁷. Отмечая, что „это восстание было одним из наиболее опасных движений, возникших в Османском государстве“, Гаммер подчеркивает, что „под покровом фанатического религиозного верования в нем скрывались мятежные цели“⁸. По его мнению, тайная цель учения Бедреддина состояла в том, чтобы „установить (собственное) господство в Азии и в Европе“⁹, и именно для осуществления этого он стремился привлечь на свою сторону греков. Гаммер рассматривает далее это восстание как последнее яркое проявление тех религиозно-мистических сектантских движений в исламе, участники которых выступали в разное время под наименованиями карматов, исмаилитов и т. п. Уничтожение Бедреддина, Бёрклюдже и Торлака Кемаля спасло, по его мнению, Османскую империю от огромной опасности¹⁰. Все эти выводы Гаммера не подкрепляются сколько-нибудь убедительными доказательствами источников. Да они и не были результатом проделанных автором серьезных изысканий. Этой задачи он, повидимому, перед собой и не ставил.

Таким образом, в изложении Гаммера, все движение, носившее будто бы чисто религиозный характер, было связано не столько с конкретной исторической обстановкой, сложившейся в тот период во владениях Османского государства, сколько с религиозно-сектантскими традициями, будто бы господствовавшими искони в мусульманском мире. При таком освещении событий, разумеется, социальный характер их остается не раскрытым, и с этой точки зрения сообщение Гаммера представляет для нас интерес лишь как известная историческая справка.

Издавший через 13 лет после появления труда Гаммера первый том своей „Истории Османского государства в Европе“ Иоганн Вильгельм Цинкайзен, с точки зрения фактического материала, не смог добавить ничего нового¹¹. При описании восстания Бедреддина, Цинкайзен

⁷ J. von Hammer. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. I, Pest, 1827, S. 375—381.

⁸ Ibid., S. 375.

⁹ Ibid., S. 376.

¹⁰ Ibid., S. 380—381.

¹¹ J. W. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, Bd. I, Hamburg, 1840, S. 473—482.

использовал в качестве источников только латинский перевод турецкой хроники Садедина, сделанный Левенклау (издан. в 1596 г. во Франкфурте), и византийскую хронику Дуки. Определяя характер этого движения и значение его для дальнейших судеб Османского государства, Цинкайзен писал: „Это было гораздо более серьезное событие, чем борьба с туркменскими князьями и Византией, наносившее не только моральный, но и материальный ущерб Османскому государству“¹². По мнению Цинкайзена, это восстание, носившее религиозный характер, „под которым скрывались, возможно, и политические цели“, было интереснейшим событием периода первоначального развития Османского государства. Главное его значение автор видел в том, что оно явилось будто бы выражением обнаружившегося в османском народе „духовного раскола“. Этот раскол, полагал Цинкайзен, имел огромное влияние и на дальнейшее развитие государства. Все последующие выступления против верховной власти, когда бы и в какой бы форме они ни происходили, неизменно носили в себе отголоски этого „духовного раскола“, начало которому было положено учением Бедреддина¹³. В заключение автор замечает, что в этом восстании представляет интерес не только самый его характер, но и те методы, с помощью которых султанской власти удалось уничтожить эту колоссальную опасность как для османской династии, так и для будущего Османского государства в целом¹⁴.

Повторение основных положений Гаммера и Цинкайзена об исключительно религиозном характере восстания Бедреддина мы находим и в вышедшей в 1854 г. объемистой истории Турции А. Ламартина¹⁵.

Весьма краткие сведения самого общего характера сообщает в своей работе известный румынский историк Н. Йорга¹⁶, который также целиком придерживается того мнения, что движение носило лишь религиозный характер, и только религиозными проповедями бесчисленные проповедники привлекали к участию в восстании окрестных крестьян¹⁷.

Таким образом, можно отметить, что в основных работах общего характера по истории Османского государства западные буржуазные авторы сосредоточили внимание на событиях, связанных с именем Бедреддина; они дали направление изучению восстания как движения исключительно религиозного, связанного с возникновением в Турции своеобразного „духовного раскола“, и рассматриваемого в абсолютном отрыве от внутренней социально-экономической и даже политической обстановки в Османском государстве в этот период. Турецкие историки конца XIX — начала XX в. в своих общих работах по истории Османского государства в этом вопросе, как и во многих других, целиком следовали за Гаммером и прочими европейскими авторами¹⁸. Эта точка зрения остается господствующей в полной мере и в специальных исследованиях позднейшего времени, когда буржуазные историки, разрабатывая эту тему, стали проявлять все больший интерес к изуче-

¹² J. W. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. I, S. 437.

¹³ Ibid., S. 474.

¹⁴ Ibid., S. 481—482.

¹⁵ A. Lamartine. Histoire de la Turquie, t. II. Paris, 1854, p. 398—407.

¹⁶ N. Jorga. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. I. Gotha, 1908, S. 370, 374—375.

¹⁷ Ibid., S. 370.

¹⁸ См., например, наиболее полную из этих работ: — عثمانلى تاريخى — احمد راسم — т. I. Стамбул, 1328/1910, стр. 135—136.

нию истории ислама и религиозных течений в Малой Азии. Главное место в исследованиях этого рода стала занимать личность шейха Бедреддина, а также вопрос о сущности его религиозно-мистического учения.

Первую специальную и очень серьезную работу о шейхе Бедреддине издал в 1921 г. Франц Бабингер¹⁹. С первых же слов своего исследования Бабингер заявляет, что эта тема заинтересовала его именно как один из ярких эпизодов религиозных движений, которыми так богата история османских турок и изучение которых он считает важнейшей обязанностью историка. Вместе с тем он отмечает, что видный немецкий турколог И. Мордтманн рекомендовал ему обратить внимание на изучение и социальных основ этого движения²⁰. Бабингер предпосылает своему исследованию краткую главу о состоянии Османского государства в начале XV в. В этом разделе работы²¹ автор отмечает чрезвычайно сложную обстановку, создавшуюся для османских правителей в Малой Азии после тимуровского нашествия. Им приходилось вести ожесточенную борьбу с местными феодальными князьями — эмирами Карамана, Айдына, Кастамону и др., стремившимися во что бы то ни стало сохранить свою самостоятельность. В это же время осложнилась обстановка для османов и в Румелии, усилилась активность Византии, направленная против турецких завоевателей, причиняли заботы не желавшие подчиниться турецким султанам Босния, Валахия и др. „Повсюду, — писал Бабингер, — были открыты восстания и сопротивление османскому главенству“²².

По мнению Бабингера, население Малоазиатского полуострова, особенно его западного побережья, представляло собой в значительной части омусульманенное, но отнюдь не отуреченное, греко-византийское население. „Живой образ мыслей, духовная подвижность, горячий нрав, свойственные этому народу, являлись резкой противоположностью беспомощной, примитивной, чуждой хоть какой-нибудь духовной подвижности натуре жителя внутренних областей. Там еще не было и зародыша основы духовной жизни оседлых. Народ нес тяжелую военную службу, был привязан к земле. Вместе с тем ему не позволялось (в мирное время. — А. Т.) носить оружие и он не принимал никакого участия в осуществлении высоких целей человечества“²³. Уверяя, что этому народу якобы были свойственны „врожденная тупость и наследственное рабское мышление“²⁴, автор именно в этих качествах его видел причину того, что как проповеди ортодоксального суннитского ислама, так и проповеди шиизма являлись, пожалуй, в одинаковой степени безразличными для него. Вместе с тем, Бабингер отмечает, что многие эмиры Малой Азии, как, например, Айдын оглу, были прямыми приверженцами шиизма. Именно вследствие склонности многих эмиров к шиизму и полного безразличия основной массы населения внутренних областей Анатолии к вопросам религии, различного рода проповедники шиизма, суфизма и т. п. пользовались здесь полной свободой действия. Суфии находили хороший прием даже при дворе османских султанов. „Суфизм ставил выше всего требования мышления и духовного движения, что

¹⁹ F. Babinger. Scheich Bedr ed-din, der Sohn des Richters von Simav. „Der Islam“, 1921, Bd. XI, S. 1—106.

²⁰ Ibid., S. 1.

²¹ Ibid., S. 4—19.

²² Ibid., S. 10.

²³ Ibid., S. 12.

²⁴ Ibid., S. 11.

лежит в основе арийской природы персов и что так чуждо консервативным и тупым туркменам“²⁵.

Изобразив в таком неприглядном виде население внутренних областей Малой Азии, Бабингер, как ему представляется, обосновал тем самым „законное“ исключение его из числа активных участников восстания, которое оказывалось-де не по их умственному и духовному развитию. Главным действующим лицом в восстании в результате этого у него остались проповедники-дервиши, носители будто бы более „высокой“ духовной культуры, распространявшейся из арийского Ирана и уходящей корнями в различного рода религиозные движения более отдаленного времени. Проповедники-дервиши с большей легкостью находили себе приверженцев среди жителей прибрежных областей, где сказывалось влияние и греко-византийского населения, которому еще были близки идеи древнехристианского „коммунизма“.

Далее, сообщив биографические сведения о шейхе Бедреддине²⁶, собранные из источников, Бабингер приводит отрывки из хроник анонимных авторов, Мухизддина, Ашикпашазаде, Нешри, Идриса Битлисского, Лютфи паши и византийца Дуки²⁷.

На основании этих источников Бабингер составил сводное описание общего хода событий²⁸ и кратко изложил учение шейха Бедреддина в том виде, как оно было передано мюридом шейха Мустафой Бёрклюдже.

Рассматривая вопрос о происхождении религиозно-коммунистических идей в учении шейха Бедреддина и Бёрклюдже, Бабингер утверждает, что эти идеи явились отголоском распространенного в Малой Азии с древнейших времен учения о братстве, миролюбии и взаимопомощи; учение это имело хождение и во всех мусульманских странах, выражаясь в сектантских движениях карматов, исмаилитов и т. п. Малая Азия, по мнению Бабингера, является классической страной смещения различных религиозных верований, поэтому не должны вызывать удивления и мотивы пантеизма — призывы к религиозному единению мусульман и христиан, которыми полны проповеди Бёрклюдже²⁹.

Вожди религиозных движений в исламе, — заявляет Бабингер, — как правило, преследовали и политические цели. Выступая в роли лже-пророков, они стремились к захвату политической власти. Те же мотивы руководили деятельностью шейха Бедреддина и его приверженцев. Именно поэтому Бедреддин искал союза с наиболее открытыми противниками османов в тот период — правителем Айдына Джунейдом и правителем Кастамону Исфендияром, с господарем Валахии Мирчем, с рыцарями и монахами Хиоса³⁰. Конечная цель Бедреддина состояла в том, чтобы захватить политическую власть³¹. В заключительных разделах своей работы Бабингер рассматривает вопрос о многочисленных, как он полагает, религиозных выступлениях в Малой Азии в позднейшее время: он считает их отголосками восстания шейха Бедреддина, идеи которого продолжали жить в проповедях анатолийских суфиев.

Таким образом, даже в изображении такого серьезного исследователя, каким является Бабингер, восстание шейха Бедреддина ни в коей

²⁵ F. Babinger. Schejch Bedr ed-din..., S. 15.

²⁶ Ibid., S. 19—25.

²⁷ Ibid., S. 25—55.

²⁸ Ibid., S. 55—64.

²⁹ Ibid., S. 64—78.

³⁰ Ibid., S. 67.

³¹ Ibid., S. 71—72.

мере не представляло собой движения народных масс: последние, как якобы духовно не созревшие для участия в подобного рода движениях, а priori исключаются из этого восстания. Автором лишь в известной мере принимается в расчет политическая враждебность малоазиатских эмиров, Византии и некоторых балканских правителей к османским султанам. Эта политическая борьба будто бы и была использована Бедреддином и его приверженцами для достижения тех целей, которые выдвигала перед ними религиозная доктрина дервишей. Как следует из работы Бабингера, это религиозное мировоззрение не было порождением конкретно-исторической обстановки в Османском государстве того времени, а оказалось привнесенным извне, как некое саморазвивающееся и независимо от исторических условий существующее духовно-религиозное воззрение, бытующее на Востоке с незапамятных времен. Мы видим, что в этом отношении точка зрения Бабингера полностью совпадает с рассмотренными выше идеалистическими концепциями других авторов.

Мы не отрицаем полностью того факта, что сходные конкретные условия развития феодальных отношений в тех странах Ближнего Востока, где господствовала одна и та же мусульманская религия, могли способствовать и иногда способствовали распространению там сходных по форме идеологических учений, в большей или меньшей степени направленных против феодальных порядков и содержащих в себе идеи общности владения землей и орудиями труда, отказа от накопления богатства и от прочих благ мирского существования. Однако вместе с тем известно, что конкретные условия всегда порождали своеобразные формы выражения этих идей и разные методы борьбы народных масс за их осуществление³². Поэтому изучение конкретной исторической обстановки, породившей данное движение и его идеологические формы, должно всегда быть неразрывно связано между собой.

В 1922 г. известный турецкий буржуазный историк Мехмед Кёпрюлю в своей рецензии на работу Бабингера о шейхе Бедреддине³³, отмечая как положительное явление опубликование исследования по истории религиозного движения в Малой Азии, вместе с тем поставил в укор автору то обстоятельство, что он недостаточно связывает это восстание с религиозно-сектантскими движениями предыдущих времен. По мнению Кёпрюлю, „религиозное движение в Малой Азии, длившееся веками (!), мы должны рассматривать не само по себе, изолированно, а как продолжение единой цепи явлений, как историю возникновения орденов и сект, появившихся там с момента ее завоевания сельджуками и связанных с весьма распространенными организациями календери, хайдери, бабаи, ахи, йесеви, мевлеви, бекташи и т. д.“³⁴. Кёпрюлю утверждал, что невозможно писать историю религиозных движений в Малой Азии, не показывая истории развития, например, дервишского ордена календери в Хорасане вплоть до позднейшего распространения его в Египте, Сирии, Индии, Афганистане, Иране и Малой Азии³⁵.

³² Это положение подтверждается многочисленными свидетельствами о народных движениях не только в Малой Азии (восстания, руководителями которых выступали Шах-кулу, Нур Али, Джелаль, Зунну-оглу, Календер-оглу, Кара Языджи и мн. др.), но и в Иране, Средней Азии.

³³ K ö p r ü l ü z a d e M e h m e d F u a d. Bemerkungen zur Religionsgeschichte Kleinasien. MOG, Bd. I, Hft. 3, S. 203—222.

³⁴ Ibid., S. 204.

³⁵ Ibid., S. 298.

Таким образом, М. Кёпрюлю искал — и притом даже еще в большей мере, чем Бабингер, — причины восстания шейха Бедреддина не в окружающей исторической обстановке, а в самостоятельном внутреннем развитии религиозно-сектантских воззрений. Эти воззрения, как заявлял Кёпрюлю, были распространены по всему Востоку, и возникновение их в Османском государстве поэтому не могло иметь самостоятельного характера. В своей работе „Ислам в Анатолии“, опубликованной в том же 1922 г., Кёпрюлю так и заявил, что все религиозные движения в Анатолии и в Западном Иране были связаны с религиозными учениями дервишских орденов хайдарие и календерие, возникшими задолго до сельджукских завоеваний на западе³⁶. В той же работе Кёпрюлю определил участников восстания шейха Бедреддина лишь как приверженцев мистического религиозного верования, прямых последователей различного рода проповедников раннего периода³⁷.

В 1925 г. в Стамбуле турецкий историк Мехмед Шерефеддин опубликовал новую работу о шейхе Бедреддине³⁸. Эту работу, пожалуй, следует определить не как исследование о шейхе Бедреддине, а как систематически изложенный материал к его биографии. Для того, чтобы собрать этот материал из многочисленных источников (турецких, арабских, персидских и византийских), автору, как и Бабингеру, пришлось проделать очень большую изыскательскую работу. Большую ценность представляют также приведенные им выдержки из неопубликованного сочинения Бедреддина („Постижение [истины]“), характеризующие философско-религиозные воззрения шейха. Точно так же, как и Бабингер, М. Шерефеддин публикует в подлиннике или в турецком переводе отрывки из персидских, арабских и византийских источников, содержащие сведения о Бедреддине и о восстании. Как собрание материалов и документов, работа М. Шерефеддина представляет собой большой интерес и значительную ценность. С этой точки зрения она и может быть использована исследователями, занимающимися историей восстания шейха Бедреддина. Однако поскольку М. Шерефеддин связывает все события лишь с личностью Бедреддина и созданным им религиозным толком, — напрасно мы бы стали искать в его материалах данные для характеристики социально-экономической обстановки в турецких владениях в этот период. Такие данные для буржуазного историка М. Шерефеддина интереса не представляли.

Известный турецкий буржуазный историк Ахмед Рефик (умер в 1937 г.) в своей работе „Рафизитство и бекташизм в османскую эпоху“³⁹ рассматривает два основных направления в истории религиозно-сектантских движений при османах: бекташизм в Румелии и шиитскую ересь в Анатолии. Не вдаваясь в анализ действительной сущности этих религиозных течений, А. Рефик отмечал, что „бекташизм одобрялся султанской властью, и даже духовные наставники бекташиев („баба“) пользовались почетом и уважением; однако шиитская ересь, вследствие того, что она была связана с враждебной деятельностью иранских правителей, никогда не получала свободного распро-

³⁶ Darülfünun İda. Fak. Mecmuesi — Anadoluide İslamı — Köprülü Zade Muhammed Fıvaz, т. II, № 4, стр. 298.

³⁷ Там же, стр. 307—308. О той же религиозной сущности всех движений в Малой Азии он говорит и в работе *Турк ادبیاتінде انک متصوفلر* Стамбул, 1919, стр. 232—234 и др.

³⁸ *Сиймауэне Казимси Ауғли Шейх Бедер алдин — Мехмед Шереф алдин* Стамбул, 1925 (Далее: М. Шерефеддин. Ук. соч.).

³⁹ Ahmed Refik. Osmanlı devrinde Rafizîlik ve Bektaşîlik, Darülfünun Edebiyat Fakültesi Mecmuası, с. VIII, N 2, 1932, S. 21—59.

странения и постоянно подавлялась кровью и огнем"⁴⁰. Восстание шейха Бедреддина А. Рефик рассматривал как одно из проявлений религиозного, шиитско-еретического движения в Османском государстве. В понимании А. Рефика, сущность шиитской ереси Бедреддина состояла в том, что он, объявив себя пророком, стремился разрушить существующее вероучение и установить свои законы веры, а также захватить власть и раздать землю своим мюридам. „Он хотел также уничтожить религиозное различие между христианами и мусульманами...; так как в тот период, в соответствии с государственными законами, между мусульманами и христианами существовало большое неравенство, христиане охотно шли к Бедреддину. Вследствие этого, по словам А. Рефика, среди приверженцев шейха христиан было больше, чем мусульман“⁴¹.

Стремление представить все формы социальных движений в Турции на всем протяжении ее истории, в том числе и восстание шейха Бедреддина, как результат воздействия враждебных османам внешних сил, в работах других турецких буржуазных историков находит еще более отчетливое выражение. Так, Джемаль Бардакчи в работе „Анатолийские восстания“⁴² дает чисто националистическое толкование всем религиозным движениям в Турции в докемалистский период. По его мнению, вся история Османской Турции представляет собой сплошную цепь непрерывной „национальной“ борьбы турок против сановников-нетурок, окружавших турецких султанов. Бедреддин и его приверженцы, проповедуя лозунг „все рабы аллаха являются братьями“, хотели тем самым, как он думает, установить братское единство именно в турецкой „нации“ и отвлечь сыновей султана от братоубийства. Бардакчи считает, что политика султанов искусственно насаждала вражду среди турецкого народа, чему в наибольшей мере способствовали царедворцы-нетурки. Он пишет: „Восстания анатолийских турок против всех этих несчастий, притеснений и произвола падишахов, а также произвола сановников из нетурок начались при Баязиде II..., когда сказался результат насильственного пресечения турецкого рода великих везиров Джандарлы, и этот пост все чаще стал попадать в руки выходцев из нетурецкой среды“⁴³. С точки зрения Бардакчи, и в основе вражды между турками и кызылбашами (т. е. шиитами. — А. Т.) лежало стремление султанов, подпавших под влияние сановников-нетурок, создать искусственные причины раздробления „национальных“ сил турок, ослабить и уничтожить эти силы. „Таковы, — заключает он, — подлинные причины и побудительные силы анатолийских восстаний и мятежей. По-моему, они не в сектантском раздоре, не в кызылбашестве и не в бекташизме. Их следует искать в безмерном угнетении и притеснениях“⁴⁴.

Казалось бы, в последних словах автора мы видим проблеск правильного понимания причин народных волнений и восстаний, возникших в Османской империи: все дело в чрезмерном гнете и насилиях, переживавшихся народом. Однако причины тяжелого положения турецких народных масс он видит не в социальной несправедливости классового феодального общества, не в социальном неравенстве и противоречиях, порождаемых общественным строем. Руководствуясь националистическими мотивами, Джемаль Бардакчи и другие турецкие историки нарочито

⁴⁰ Ahmed Refik. Osmanlı devrinde Rafizîlik, S. 21.

⁴¹ Ibid., S. 22.

⁴² Cemal Bardakçi. Anadolu isyanları. İstanbul, 1940, S. 22.

⁴³ Ibid., S. 25.

⁴⁴ Ibid., S. 86.

извращают факты. В их изображении, турецкое население Малой Азии всегда выступало монолитной в социальном отношении массой против засилия нетурецких элементов при дворе турецких султанов. Известные же факты о совместной борьбе турецких и нетурецких народных масс против гнета турецких господствующих классов при этом замалчиваются.

Таким образом, в работах буржуазных историков — европейских и турецких — мы встречаем самые разнообразные толкования таких важнейших событий в истории Османской империи, как взрывы возмущения народных масс против произвола и насилия правящих классов. В одних случаях буржуазные историки вольно или невольно затушевывают факты, свидетельствующие о том, что происходила жестокая классовая борьба, в других — умышленно изображают эту борьбу в искаженном свете. Многие историки в поисках объяснений тех или иных фактов обращаются в область религии, „чистой“ политики и т. п., упуская из виду, что подлинная история является прежде всего выражением общественных отношений, борьбы классов в процессе развития „материального производства непосредственной жизни“⁴⁵.

Так, например, по всем данным Мустафа Бёрклюдже рисуется в качестве наиболее деятельного и боевого вожака народных масс в Западной Анатолии. Именно его проповеди об отказе от излишеств в одежде и необходимости обобществления съестных припасов, одежды, рабочего скота и орудий земледелия⁴⁶ в наибольшей мере отражали антифеодальные настроения крестьянства. Между тем, все исследователи без достаточно серьезного обоснования утверждают, что шейх Бедреддин был причастен к руководству движением в Айдыне, хотя известно, что при первых же известиях о начале активизации народных масс в этих районах он бежал в Румелию⁴⁷.

Что касается деятельности Бедреддина в Румелии, то она, как видно, преследовала несколько иные цели, чем деятельность Бёрклюдже. Прежде всего, в источниках подчеркивается, что он был окружен не только своими приверженцами и мюридами, но и слугами и родичами. К нему собрались также и владельцы тимаров из числа тех, которым он раздавал пожалования еще в то время, когда был кадиаскером при сыне Баязида I Мусе⁴⁸. В его призывах звучали мотивы, коренным образом отличные от того, что провозглашал Бёрклюдже. Овладев одной из областей в северо-восточной части Болгарии, Бедреддин заявил, что власть отныне принадлежит ему, и пригласил присоединиться к себе всех, „кто хочет получить санджак или субашилык“⁴⁹, т. е. владения феодального характера.

Сравнение этих, столь различных программ, заставляет отнестись весьма настороженно к изучаемым материалам, так как они наводят на мысль о том, что в этом движении, как и во многих подобных движениях, имелись две струи, что известная часть феодалов, примкнув к народному движению, стремилась использовать его в своих интересах — для укрепления собственных экономических и политических позиций. В связи с этим напрашивается вывод о том, что интересы народных масс в этом движении отражал Бёрклюдже Мустафа, а также, повидимому, и Торлак Кемаль. Что касается Бедреддина, являвшегося выходя-

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, изд. 2-е, стр. 36.

⁴⁶ А. С. Степанов. Труд Дуки как источник по истории восстания Бёрклюдже Мустафы. ВВ, т. V, 1952, стр. 99—105.

⁴⁷ См. прилагаемые извлечения из хроник, № III, IV, VI.

⁴⁸ Там же, № III, IV.

⁴⁹ Там же, № IV, V.

цем из феодального класса, то в своих действиях он, очевидно, не шел вразрез с интересами последнего.

Изложенные выше выводы, разумеется, еще нуждаются в проверке и в подтверждении дополнительными данными, которые, как мы надеемся, появятся в результате дальнейшего исследования источников.

Впервые крестьянские восстания начала XV в. характеризуются в качестве проявлений социальной борьбы народных масс против феодального гнета в работах советских историков А. М. Валуевского⁵⁰ и Г. И. Ибрагимова⁵¹. Названные работы советских историков, в которых сделана попытка вскрыть социальные корни крестьянских восстаний начала XV в., являются определенным продвижением вперед в деле изучения народных движений в средневековой Турции. Однако для того, чтобы достигнуть полной ясности в этом вопросе, необходимо дальнейшее тщательное изучение всех доступных источников, дальнейшее систематическое накопление фактического материала. Конечно, при этом не должны быть оставлены без внимания факты, собранные буржуазной историографией.

Прежде всего, следует отметить, что до сих пор далеко не в полной мере использованы данные источников для характеристики общего положения как в азиатских, так и в европейских владениях османских султанов в тот период, взаимоотношений турецких султанов с провинциями и особенно — положения крестьянства в различных областях Османского государства. В виду этого чрезвычайно важно подвергнуть тщательному изучению все имеющиеся в распоряжении ученых источники, как непосредственно повествующие о восстании, так и дающие общие сведения об историческом фоне восстания Бёрклюдже Мустафы и Бедреддина, а также и его непосредственных причинах.

* * *

Основным источником сведений об Османском государстве в этот период являются турецкие исторические летописи XV, XVI и отчасти XVII вв., авторы которых в хронологическом порядке зарегистрировали все, казавшиеся им интересными, события, начиная с самого раннего периода возникновения Османского эмирата в Малой Азии. Главное содержание этих летописей составляет описание военно-политических событий и деятельности султанов, их сановников и военачальников, описание военных походов, завоеваний и т. п. Эти факты обычно и привлекают преимущественное внимание буржуазных исследователей. Однако в тех же хрониках имеются факты и другого рода, факты, на основе которых можно составить представление о классовой структуре Османского государства, о политике султанов, направленной на обеспечение классовых интересов феодальных сословий, о положении народных масс, о социальном расслоении в среде самих завоевателей и т. д. Именно этого рода данные, до сего времени еще не в полной мере использованные в исторической литературе, и дают основной материал для понимания причин восстания Бёрклюдже и Бедреддина, равно как и для понимания других острых социальных конфликтов периода турецкого средневековья.

Стремясь угодить султанам и их сановникам, авторы этих сочинений явно приукрашивали действительность и по возможности опускали

⁵⁰ А. М. Валуевский. Феодальный строй Турции в XV—XVI вв., М., 1939, стр. 53—58 (стеклографированное изд.).

⁵¹ Г. И. Ибрагимов. Крестьянские восстания в Турции в XV—XVI вв. ВВ, т. VII, 1953, стр. 122—140.

все то, что доставляло заботы и неприятности правителям. Вследствие этого извлечение отдельных, разбросанных по страницам их сочинений, фактов, рисующих подлинную социально-экономическую историю Османского государства, представляет собой весьма сложную задачу.

Наибольшую ценность для исследования исторической обстановки, предшествовавшей возникновению первого крестьянского восстания, имеют те хроники, которые составлялись авторами-современниками интересующих нас событий. К числу таких авторов принадлежит Шюкрюлла бин Шихабеддин Ахмед, находившийся на службе у одного из сыновей султана Баязида I, Сулеймана, а затем выполнявший ряд важных поручений при султанах Мехмеде I (1413—1421) и Мураде II (1421—1451). Наиболее значительными из данных ему поручений были, повидимому, — посольство к правителю Карамана Ибрагиму бею (1424—1451) в 1437 г. и посольство к правителю государства Каракуюнлу Джиханшаху (1437—1467) в 1449 г. В своем сочинении, названном „Behcet ut-tevarih“ („Красоты историй“) и написанном на персидском языке, Шюкрюлла главное место отводит истории османских правителей от Османа до вступления на престол Мехмеда II. Несмотря на то, что события описываются автором кратко и схематично, каждое его свидетельство, отражающее современный ему период, приобретает для нас неоценимое значение. Крайне важно также и то обстоятельство, что анализ встречающихся в этой хронике терминов может дать известное представление о ранних этапах развития турецкого общества, а также о развитии турецкой государственности. Эти термины первоисточников заслуживают серьезного внимания особенно потому, что позднейшие авторы при описании более ранних периодов часто пользовались терминологией своего времени, что, естественно, может несколько дезориентировать исследователя.

Персидский текст хроники Шюкрюллы известен в издании Т. Сейфа⁵², а в 1939 г. в Стамбуле был опубликован перевод ее на турецкий язык⁵³, выполненный еще в 1530—1531 гг. поэтом Мустафой Фариси. Издатель турецкого перевода Атсыз сообщает, что данный текст был составлен им по восьми спискам рукописей, имеющихся в Стамбуле. Сличение персидского текста и турецкого перевода представляет интерес с точки зрения сравнения употребляемых автором и переводчиком исторических терминов.

Спустя 50 лет после восстания Бёрклюдже и Бедреддина написано другое историческое повествование, носящее название „Düstürname“ („Книга о знатных“). Автор повествования Энвери происходил из улемов и был приближенным султана Мехмеда II. Книга, подготовленная в качестве подарка великому везиру Мехмеду-паше, состоит из трех разделов: история пророков и восточных правителей (арабских, персидских и среднеазиатских); история эмирата Айдын; история династии османов до 1464 г. с добавлением истории похода великого везира Мехмеда-паши. Сочинение Энвери — один из наиболее ранних турецких исторических памятников — представляет значительную ценность для исследователя. Правда, труд этот, написанный в стихотворной форме, довольно лаконичен, но при скудости источников для раннего периода османской истории становится крайне важным каждый документ, в котором можно

⁵² Th. Seif. Der Abschnitt über der Osmanen in Šükrüllah's persischer Universalgeschichte. MOG, Bd. II, Hft. 1—2, 1925, S. 63—128.

⁵³ Atsız. XV-inci asır tarihçisi Šükrüllah. Dokuz Boy Türkler ve osmanlı sultanları Tarihi. İstanbul, 1939; см. также: F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927, S. 19—20.

встретить новые факты или подтверждение фактам, упоминаемым другими авторами. Краткие повествования Шюкрюллы и Энвери о восстании Бёрклюдже и Бедреддина до сих пор не были использованы, как не были использованы их данные и для изучения исторической обстановки того времени. Текст „Дюстюрнаме“ издан в 1928 г. в Стамбуле в серии публикаций Турецкого исторического общества⁵⁴.

Максимальное количество данных о личности Бедреддина содержит опубликованное в 1943 г. Ф. Бабингером стихотворное жизнеописание („Menāqibname“) шейха Бедреддина⁵⁵, составленное внуком Бедреддина Халилем бен Исмаилом. Автор утверждает, что в этом произведении он воспроизвел события со слов самого шейха:

بو مناقب ايچره نكم سويلدم   شيخدن اشيديلنى نقل ايلدم...
 نيجدلهر شيخه مناقب يازديلر   يزديلر اما هواه كزديلر
 „Я рассказал в этом жизнеописании не о ком-нибудь,
 А передал то, что слышал от самого шейха...
 Сколько о шейхе жизнеописаний составляли;
 Писали, но скользили по поверхности“ (буквально: по воздуху)⁵⁶.

Этот памятник интересен тем, что подкрепляет наши наблюдения, сделанные на основании изучения других источников, — о двух самостоятельных линиях в народном движении, связываемом обычно с именами Бёрклюдже и Бедреддина, и даже, в известной мере, о непричастности шейха к событиям в Западной Анатолии и к проповедям Бёрклюдже Мустафы и Торлака Кемаля, которые, как здесь говорится, „причиняли ему большой вред“⁵⁷.

Во второй половине XV в. было составлено несколько исторических летописей, в которых нашли отражение как современные авторам события, так и факты более раннего периода турецкой истории. Заимствуя сведения друг у друга, переписывая или пересказывая повествования своих предшественников⁵⁸, авторы этих хроник в целом дали немало ценных известий о жизни Османского государства. Сопоставление и анализ содержащихся в них данных помогает выявлению многих сторон развития турецкого общества.

Из числа хроник второй половины XV в. следует выделить прежде всего „Историю дома османов“ Орудж Адила, которая составлена в годы правления султана Мехмеда II и охватывает период от образования Османского государства до 1467 г. Являясь первым из наиболее полных описаний истории Османского государства раннего периода, хроника Оруджа ценна не только потому, что автор ее сам жил в эпоху, близкую к тому времени, которое нас интересует, но и по содержанию материалов, почерпнутых из источников, повидимому, до нас не дошедших.

⁵⁴ *Дюстюрнаме* — Стамбул, 1928; издатель этого текста Мюкримин Халил отдельно опубликовал в 1930 г. свое введение: *Mükrimin Halil. Düstürname-i Enveri. Medhal, Istanbul, 1930*; см. также: F. Babinger. *Die Geschichtsschreiber der Osmanen...*, S. 411—412.

⁵⁵ Die Vita (Menāqibname) des Scheich Bedr ed-din Mahmud, gen. Ibn Qadi Samauna von Chalil b. Ismail b. Scheich Mahmud Bedr ed-din, hrsg. von F. Babinger, Leipzig, 1943. См. об этой книге: M. Şerefeddin. *Simavne kadisi oğlu şeyh Bedreddine dair bir kitap, Türkiyat Mecmuası*, 1935, c. III, S. 233—256; H. I. Kissling. *Das Menāqybname Scheich Bedr ed-dins, des Sohnes des Richters von Samavna. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, Bd. 99—103 (Neue Folge, Bd. 24—27), 1949—1952, S. 112—176.

⁵⁶ *Die Vita...*, S. 58.

⁵⁷ *Ibid.*, S. 89—90.

⁵⁸ См. по этому поводу: P. Wittek. *Zum Quellenproblem der ältesten osmanischen Chroniken. MOG*, Bd. I, S. 77. 150.

Хроника Оруджа издана Ф. Бабингером в 1925 г. по двум спискам, хранящимся в Оксфорде и Кембридже⁵⁹.

Столь же ценными источниками для изучения исторической обстановки на рубеже XIV и XV вв. являются частью оригинальные, а частью компилятивные хроники анонимных авторов XV в.⁶⁰ и хроники таких авторов, как Ашикпашазаде⁶¹ и Нашри⁶², в которых наряду с повторением и подтверждением фактов, встречающихся в других источниках, можно найти и новые сведения.

Интересными источниками для изучения событий турецкой истории периода восстания являются повествования двух авторов — выходцев из нетурецких восточных областей: оба в силу обстоятельств оказались среди приближенных турецких султанов и вследствие этого могли близко наблюдать происходившие события. Первый из них — Ибн Арабшах родился в 1392 г. в Дамаске и был увезен затем Тимуром в качестве пленного в Самарканд. В 1412 г. Ибн Арабшах через Крым добрался до Адрианополя, где в течение десяти лет служил при дворе султана Мехмеда I. Таким образом, Ибн Арабшах был современником восстания. Хотя это восстание описано Ибн Арабшахом весьма кратко — это описание представляет собой небольшую вставку в его книге, посвященной жизнеописанию Тимура⁶³, тем не менее его свидетельство приобретает большую ценность (турецкий перевод этого отрывка приведен в книге М. Шерефеддина)⁶⁴.

Второй из названных авторов — выходец из Битлиса, повидимому, курд Идрис Битлисский сначала находился на службе у правителя Аккоюлу Узунхасана, а затем стал придворным османских султанов Баязида II и Селима I. Составленная им на персидском языке история под названием „Восемь парадизов“, содержит значительное количество ценных наблюдений и фактов из жизни Османского государства. „Восемь парадизов“ Идриса явились одним из важнейших источников сведений для ряда исторических хроник XVI и XVII вв.⁶⁵ Отрывки из сочинения Идриса о восстании Бёрклюдже и Бедреддина в турецком переводе также опубликованы Мехмедом Шерефеддином⁶⁶.

Из наиболее полных и важных сочинений XVI в. для изучения данной темы представляют интерес соответствующие разделы хроник Мустафы Аали⁶⁷ и Ходжи Садеддина⁶⁸, которые широко использовали сведения из повествований своих предшественников.

⁵⁹ *تواریخ آل عثمان — اوروج عادل القزاز كاتب الادرنوی* Hrsg. F. Babinger. Quellenwerke des Islamischen Schrifttums, Bd. I. Hannover, 1925.

⁶⁰ F. Giese. Die altosmanischen anonymen Chroniken in Text und Übersetzung, Teil I. Breslau, 1922; G. Giese. Einleitung zu meiner Textausgabe der altosmanischen anonymen Chroniken *Tewarih-i al-i osman*. MOG, Bd. I, S. 49—75.

⁶¹ *تواریخ آل عثمان — عاشق پاشا زاده* — Istanbul, 1332/1924; см. также: P. Wittek. Neues zur *Aşikpaşazade*. MOG, Bd. II, S. 147—194; F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 35—38.

⁶² Mehmed Neşri. *Kitab-ı Cihan-nûmâ, Neşri tarihi*, I cilt. Ankara, 1949; *Gihân-nûma. Die altosmanische Chronik des mevlânâ Mehmed Neşri*, Bd. I—II. Leipzig, 1955; см. также: P. Wittek. Zum Quellenproblem..., MOG, Bd. I, S. 77—150; Faik Reşit U nat. *Neşri tarihi üzerinde yapılan çalışmalara toplu bir bakış*. Belleten, № 25, 1943; S. 117—201; F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 38—39.

⁶³ См. F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 20.

⁶⁴ М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 53—54.

⁶⁵ См. F. Babinger Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 45—49.

⁶⁶ М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 58—65.

⁶⁷ *کتابه الاخبار — مصطفی عالی* т. I—V. Стамбул, 1277—1285/1860—1868; см.: F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 126—129.

⁶⁸ *تاج التواریخ — سعد الدین خواجه* т. I—II. Стамбул, 1280/1863; См. F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 113—126.

Помимо перечисленных хроник XV и XVI вв. определенное значение в исследовании темы имеют и некоторые сочинения авторов XVII в. Это прежде всего — известный труд Мехмеда бин Мехмед (ум. в 1640 г.) „Образцы историй и известий“. Составитель его в качестве секретаря Дивана имел свободный доступ к документам, которые и послужили основанием для его истории, представляющей значительную ценность⁶⁹.

В рукописном отделе Института Востоковедения Академии наук СССР нами была обнаружена рукопись, остававшаяся до сих пор незамеченной и, как кажется, представляющая собой уникум. Рукопись эта (размер листа 18 × 28,5 см), заключенная в кожаный коричневый переплет с медальоном золотого тиснения в центре верхней и нижней обложки, содержит 518 листов убористого текста, обведенного рамкой из золотых и черных полос. Почерк — четкий насталик. Название разделов и глав, а также собственные имена в тексте выделены красной тушью. Рукопись не датирована, но по внешним данным может быть отнесена к концу XVII в. и находится в прекрасной сохранности⁷⁰. Автор рукописи Хюсеин или Коджа Хюсеин (так его именует Бабингер) известен как составитель сочинения под названием „Bedai el-vekaî“, содержащего историю мусульманских халифов до вторжения на Ближний Восток монгольских полчищ Чингис-хана. Рукопись этого сочинения хранится в коллекции Венской национальной библиотеки, где она значится как незаконченный или первый том какого-то большого труда⁷¹. Наша рукопись, содержащая историю османов со времени возникновения их государства и до вступления на престол султана Сулеймана Кануни (1520 г.), является, как об этом говорит сам автор⁷², продолжением и второй частью „Bedai el-vekaî“. Весьма возможно, что рукопись Института Востоковедения именно и есть второй том единственного экземпляра сочинения Хюсеина, первая часть которого хранится в Венской национальной библиотеке.

Как глава государственной канцелярии (reis ül-küttab) Хюсеин мог широко привлечь не только исторические труды своих предшественников, но и официальные документы, которые он иногда полностью вписывает в свое повествование. Так, например, им переписан с подлинника кодекс султана Мехмеда II Фатиха⁷³ и т. п. Насыщенная большим количеством ценного фактического и документального материала рукопись сочинения Хюсеина представляет большой интерес для историка. Страницы, посвященные описанию восстания Бёрклюдже и Бедредина, даются нами ниже в русском переводе.

Наконец, из сочинений турецких авторов позднейшего времени значительную ценность представляет турецкий перевод исторического труда „Sahaif ul-ahbar“ („Страницы известий“). Это опять-таки довольно полный компилятивный свод, материал которого весьма полезен при анализе фактов, содержащихся у предшественников. Автор „Страниц известий“ — Ахмед Лютфулла Мюнеджжимбаши (ум. в 1702 г.), придворный ученый, служивший у султана Мехмеда IV (1648—1687), великодушный знаток арабских, персидских и турецких источников, привлек для составления своего трехтомного труда по истории турецкого, персидского и арабских государств обширный и разносторонний материал.

⁶⁹ نخبت التواريخ و الاخبار — محمد بن محمد — Рукопись ИВ АН СССР, № С. 531. См. F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 182—183.

⁷⁰ تواريخ آل عثمان — قوجه حسين — Рукопись ИВ АН СССР, № С. 564.

⁷¹ F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 186.

⁷² Коджа Хюсеин, л. 2-а.

⁷³ Там же, л. 277-б.

Третий том этого труда содержит историю сельджукского султаната в Малой Азии и историю Османского государства до 1672 г.⁷⁴

В нетурецких источниках, относящихся к данному периоду, исключительно важные сведения о восстании Мустафы Бёрклюдже имеются в хронике византийского историка Дуки. Соответствующие извлечения из этой хроники опубликованы в турецком переводе М. Шерефеддином⁷⁵, в немецком переводе — Ф. Бабингером⁷⁶, в русском переводе — А. С. Степановым⁷⁷.

Рассказ Дуки отличается бóльшей конкретностью по сравнению с незначительно различающимися друг от друга версиями турецких авторов. Именно Дука сообщает о том, что сам Мустафа Бёрклюдже был простым крестьянином, а приверженцы его состояли преимущественно из простонародья. Только у Дуки находим мы и более подробное изложение существа тех социальных лозунгов, которые объединяли восставших. Благодаря этому свидетельство Дуки приобретает особо важное значение.

Ряд интересных фактов о состоянии Малой Азии в период, близкий ко времени возникновения восстания, можно почерпнуть из записок немецкого солдата Иоганна Шильтбергера, прожившего около 20 лет в турецком плену и принимавшего участие на стороне турок в борьбе против малоазиатских эмиров и в сражении с Тимуром под Ангорой в 1402 г.⁷⁸

Некоторые ценные данные, рисующие жизнь малоазиатских и европейских городов и селений, содержатся в записках французского путешественника Бертрандона де ля Брокьера, посетившего Малую Азию и владения османских султанов на Балканах при султани Мураде II, в 30-х годах XV в.⁷⁹

Перечисленные выше источники дают в совокупности довольно значительный материал для изучения социально-экономического положения Османского государства в начале XV в. и позволяют понять и осветить истинные причины крестьянских восстаний этого периода.

Ограничивая настоящий очерк обзором имеющихся по этому вопросу исследований, а также краткой характеристикой важнейших источников, мы считали целесообразным познакомить советских историков с некоторыми материалами из различных хроник, которые прилагаются ниже в русском переводе.

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ХРОНИК О ВОССТАНИИ БЁРКЛЮДЖЕ И БЕДРЕДДИНА

I. Извлечение из сочинения Ибн Арабшаха

Бедреддин Махмуд является сыном кадия Симавие. Этот Симавие — город, расположенный поблизости от Эдирне¹. Его отец был здесь

⁷⁴ ترجمة صحائف الاخبار لمنعم باشي т. III, Стамбул, 1285/1868; см. F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen..., S. 234—235.

⁷⁵ М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 65—67.

⁷⁶ F. Babinger. Schejch Bedr ed-din..., S. 52—55.

⁷⁷ А. С. Степанов. Труд Дуки как источник по истории восстания Бёрклюдже Мустафы, ВВ, т. V, 1952, стр. 99—105.

⁷⁸ Иван Шильтбергер. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 годы. Пер. с нем. Ф. Браун. Зап. Имп. Новоросс. университета, т. I. Одесса, 1867.

⁷⁹ Le Voyage d'Outremer de Bertrandon de la Broquière. Publié et annoté par Ch. Schefer. Paris, 1892.

¹ Эдирне — турецкое название города Адрианополя.

кадием. В молодости [Бедреддин] был склонен к занятиям науками. Отправившись в Самарканд, он стал заниматься у тамошних ученых. У хаджи Абдал Малика Самаркандского, ученика известного автора *هدايه*², он изучал фикх. В итоге, сделав превосходные приобретения в науках и особенно в усвоении принципов фикха, он вернулся в Рум³.

В 819 (1416) году я увидел шейха Бедреддина у Исфендияра бин абу Йезда, и мы беседовали с ним о науках. Я увидел, что широта его учености беспредельна, как море, особенно в основах фикха... От него я услышал о том, что *هدايه* содержит 1090 вопросов. Постигнув вершины наук, он по возвращении в свою страну стал суфием и собрал вокруг себя богословов и дервишей. Народ из далеких мест стал приходить к нему на поклон и в благодарность за беседы ему стали приносить всевозможные подарки. Вокруг него собралось множество простого народа. И он захотел стать падишахом. Он поднял восстание против османского правителя, которым был тогда султан Гияседдин Абуль-Фетх Мехмед бин Абу Йезид аль-Керишджи⁴.

Султан Мехмед послал против этого (против Бедреддина.— А. Т.) войско. Последний, вместе с находившимся возле него довольно значительным количеством народа, был разбит. Вслед за тем шейх Бедреддин морем прибыл к упомянутому Исфендияру. В виду того, что между Османами и Исфендияром существовала наследственная вражда и они находились в раздоре, Исфендияр оказал помощь шейху, так как ему было выгодно создать затруднения османскому правителю.

Когда Бедреддин прибыл в окрестности Эдирне, то весть о его приезде быстро распространилась среди народа, и множество людей отовсюду собралось к нему. Вообще у него оставалось единственным и последним средством сохранить свою жизнь — это присоединить к себе народ. Вследствие этого султан Мехмед был вынужден лично выступить [против него]. Султан Мехмед, окружив последнего, победил его и, захватив в плен, обратился к нему самому за фетвой в отношении его судьбы. Тот дал фетву, что его, как мятежника, дозволено казнить. На основании его собственной фетвы [Бедреддина] повесили голым в 820 (1417) году осенью.

М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 42—53.

II. Извлечение из сочинения Шюкрюлла бин Шихабеддина

В вилайете Айдын, на морском побережье Карабуруна, появился некто из приверженцев ордена *اباحيون*, который присвоил себе наименование суфия. Как и во времена отца Нуширвана, некто подобный появился в Хорасане. К тому суфию собралось множество всяких, и они также совершали множество дел, противоречащих законам Мухаммеда. Султан послал против них Баязида-пашу. Суфии вышли навстречу, и произошло сражение. Присланная султаном Мехмедом армия одержала победу. Суфии были истреблены. Говорили, что было убито более 4000 суфиев, которые признавали формулу „Нет бога, кроме аллаха“, но не признавали формулы „Мухаммед посланник божий“ и считали послан-

² Автор *هدايه* („Подарок“) — один из известнейших толкователей ханифитского фикха — *ابو الحسن برهان الدين علي* — Прим. М. Шерефеддина.

³ Рум — так в восточных странах называлась Малая Азия (Византия).

⁴ Так автор именует султана Мехмеда I.

никами своих шейхов. Они (войска. — А. Т.) очистили ту область от идущих по неправильному пути и от противозаконных дел.

A t s i z. XV-inci asir tarihçesi Şükrüllah. Dokuz Boy Türkler ve osmanlı sultanları tarihi. İstanbul, 1939, s. 36.

III. Извлечение из анонимной хроники (изд. Ф. Бабингера)

В те времена, когда шейх Бедреддин, сын кадия Симавны, был кадиаскером у Мусы, при нем находился кетхуда, которого звали Бёрклюдже Мустафа. Когда шейха сослали в Изник, Бёрклюдже Мустафа прибыл в Айдын. Оттуда он переправился в Карабурун и оказал сильное воздействие на тот вилайет. Он заставил страну Айдын подчиниться себе и каких только дел не натворил! Он даже заставил называть себя пророком и проповедовал множество подобной лжи.

Что касается шейха Бедреддина, сына кадия Симавны, то он, как только услышал об этом и узнал об успехах Бёрклюдже Мустафы, — немедленно бежал из Изника и отправился к Исфендияру. Пробыв некоторое время у Исфендияра, он сел затем на корабль и переправился в Валахию. Оттуда он проник в Агдж Денизи⁵. Говорили, что между ним и Бёрклюдже Мустафой существовал союз.

Султан Мехмед послал на Карабурун Мехмеда Баязида пашу и сына своего Мурада. Мустафа Бёрклюдже, приобретя в тех областях огромную славу, поднял голову. К нему собралось две-три тысячи народу. Баязид паша и султан Мурад, придя в Карабурун, встретились с Бёрклюдже, и произошло огромное сражение. С обеих сторон было убито множество народа. Наконец и Бёрклюдже разбили и уничтожили. Множество из того народа (т. е. карателей. — А. Т.) захватили область. [Земли] того вилайета были розданы в качестве тимаров слугам бэев. Баязид прибыл в Магнису. Там нашли и Торлака Ху Кемалья. Этот также кутил и гулял с барабаном и чангом⁶, вода с собой 2—3 тысячи людей и притеснял страну. [Баязид паша], придя с войском, их рассеял. Торлак Ху Кемаль был схвачен вместе с несколькими мюридами и повешен.

С этой стороны⁷ султан Мехмед тоже спустился из Сероза к Салоникам. В то время, когда он стоял там, шейх Бедреддин, сын кадия Симавны, выступил из Агадж Денизи и послал несколько несчастных суфиев, которые прибыли в долину Загоры. Эти его последователи говорили [его именем]: Отныне бейлик принадлежит мне и престол передан мне. Меня называют Махди. Развертывайте знамена! Вставайте! — Так призывали те суфии жителей долины Загоры. И те пришли. Последовали им и повиновались. [Как раз] тогда восстал Бёрклюдже Мустафа, и [шейх Бедреддин] услышал о восстании Бёрклюдже Мустафы. И он сказал: „Тот является моим слугою, и он тоже восстал“. Тогда Бёрклюдже Мустафа еще не был взят.

Так как шейх Бедреддин выступил из Агадж Денизи, то множество озлобленных пьяных суфиев собралось к нему. Тот еще во время своего пребывания кадиаскером при Мусе распределял посты. Многие [из тех] людей к нему пришли и повиновались. Все пришли к нему. Затем увидели, что в его деле ничего хорошего нет, и все рассеялись. Оста-

⁵ Агадж Денизи или Дели Орман — район глухих лесов в северо-восточной части Болгарии.

⁶ Чанг — род музыкального инструмента.

⁷ Т. е. со стороны Румелии.

лись лишь немногие.—Султан Мехмед услышал об этом и послал множество людей. Найдя [шейха] в Загоре, они его схватили и отправили к султану Мехмеду в Сероз. Султан Мехмед тогда спросил: „Ну, что же с ним делать? Грешно ли его убивать?“ Падишахи в те времена были такими мусульманами, что подобных этим смутьянов не решались убивать. Однако в то время был великий ученый по имени Молла Хайдар, который пришел из Ирана. Он дал фетву о том, что кровь его дозволена, а имущество запрещено. По его слову [шейх] был повешен в Серозе на рынке перед одной из лавок. Там же ему вырыли могилу.

М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 54—55.

IV. Ашикпашазаде. История династии Османа

Глава 78. Эта глава рассказывает о том, что было с Бёрклюдже Мустафой, бывшим кетхудою во времена кадиаскерства сына симавнийского судьи, когда он прибыл в Карабурун.

Когда сын кадия симавнийского прибыл в Изник, Мустафа прибыл в Карабурун в Айдыне. Он приобрел в том вилайете очень большое влияние. И многих из [жителей] того вилайета он привлек к себе. Он проделывал разного рода [недозволенные] дела и в конце концов велел называть себя пророком. Об этом услышал сын судьи Симавны, и когда дела Бёрклюдже пошли вперед, он убежал. Прибыл к Исфендияр бею. Оттуда, сев на корабль, переправился в Валахию и прибыл на эту сторону (т. е. в Румелию.—А. Т.). Вступил в Агадж Денизи. Кроме того, у него имелся союз с Бёрклюдже. Султан Мехмед послал Баязида пашу со своим сыном Мурадом. Те прибыли. Встретились в Карабуруне с Бёрклюдже. Произошло большое сражение. С обеих сторон уничтожено много людей. Наконец и Бёрклюдже был разорван на части. Тот вилайет захватили и кого надлежало выселить, заставили выселиться. Слугам бея роздали тимары. Баязид паша снова прибыл в Магнису. Там он нашел Торлака Ху Кемаля. Его также вместе с мюридом повесили. Когда султан Мехмед прибыл в Сероз для того, чтобы оттуда попасть в Салоники, сын судьи Симавны как раз вступил в Агадж Денизи. Он разослал несколько злосчастных суфиев по вилайетам с тем, чтобы они [его именем] говорили: Приходите, теперь власть снова принадлежит мне, и трон завоеван мною. Желаящие [приобрести] санджак и должность субаши пусть приходят. Словом, пусть приходит всякий, желающий что-либо. Отныне я восстал. А в Айдыне восстал мой ученик Мустафа. Он является моим слугою. А эти дервиши говорили, что в действительности они не являются дервишами. В тот день, когда наш шейх восстал, мы [поверили] что также станем беями.

Глава 79. Эта глава рассказывает о сыне Симавнийского кадия и о том, как сложились обстоятельства.

Когда он [шейх] стоял в Агадж Денизи, его слуги и родичи приобрели огромную славу. Так как он обещал дать санджаки и субашилыки, к нему собралось множество *طوجلر* (?). К нему собрались также и владельцы тимаров из числа тех людей, которым, еще будучи кадиаскером, сын Симавнийского кадия раздавал пожалования. Однако пришедшие люди увидели, что в этом деле нет ничего хорошего, тотчас они схватили сына Симавнийского кадия и привезли в Сероз к султану Мехмеду. В то время, когда этот находился у султана Мехмеда, там был один

ученый по имени мевляна Хайдар, который только что прибыл из Ирана. Его и спросили о положении этого, говоря, что он был ученым. Мевляна Хайдар сказал: кровь его [пролить] дозволено, а имущество находится под запретом. Тогда его послали и везли повесить на базаре перед одной из лавок. После этого сообщили нескольким его ученикам. Они пришли и сделали мезар [могилу].

А шикпаша заде. Изд. Фр. Гизе, стр. 81—82.

М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 55—57.

V. Извлечение из „Тарих-и Нешри“

Рассказывается так, что в то время, когда султан Мехмед прикончил дела Мусы Челеби, он сослал в Изник кадиаскера Мусы Челеби, которого звали сыном кадия Симавие, и определил ему содержание. А у этого сына кадия Симавие был кетхуда, которого звали Бёрклюдже Мустафа. Этот пришел в Карабурун и, приобретя значительное влияние, большую часть вилайета Айдын привлек на свою сторону. Претендуя на тот вилайет, он стал совращать народ на путь ереси и приобрел известность [в других] областях. Сын кадия Симавие, услышав об этом, прибыл к Исфендияру, а оттуда, сев на корабль, переправился в Валахию. Выйдя оттуда в Агадж Денизи, он там расположился. Однако с Бёрклюдже он находился в союзе. Султан Мехмед послал Баязида пашу против Бёрклюдже, и эти, придя в Карабурун и встретив его, много воевали. С обеих сторон были большие потери. Наконец, во время сражения Бёрклюдже был найден и уничтожен. Та страна была очищена от мятежников. Оттуда Баязид паша прибыл в Магнису, где он нашел Тор Ху Кемаля. Его также повесили вместе с его мюридом. Султан Мехмед в этот момент прибыл в Сероз. Намерение его состояло в том, чтобы напасть на Салоники. А с этой стороны сын кадия Симавие вступил в Агадж Денизи. Несколько злосчастных суфиев он послал по окрестностям с тем, чтобы они его именем заявляли: „Отныне приходите ко мне. Власть вручена мне. И мне надлежит быть на земле халифом. Каждый, кому нужен санджак или субашилык, пусть приходит ко мне. И всякий, у кого есть какое-либо желание, пусть приходит ко мне, так как отныне я восстал. Восстал также и Бёрклюдже Мустафа в Айдыне, который является моим мюридом. Он восстал ради меня“.

Затем, когда [Бедреддин] стоял в Агадж Денизи, он собрал к себе множество приверженцев и родичей. Он собрал огромную толпу бездельников и бродяг. К нему собрались также все те, которым он раздавал тимары в бытность свою кадиаскером у Мусы. Но пришедшие к нему увидели, что в этом деле нет ничего хорошего. И те, которые имели намерение получить бэйлик, тотчас схватили сына кадия Симавие и привезли в Сероз к султану Мехмеду. В то время был один ученый, который только что пришел из Ирана. Его звали мевляна Хайдар. Он находился в тот момент при султани Мехмеде. Султан Мехмед спросил его: „Какое положение того, кто совершил подобное дело?“ Этот же, в высшей степени ученый человек, называемый мевляна Хайдар, сказал: „По закону его казнь дозволена, а имущество находится под запретом“. И дал сам такую фетву. Вслед за тем сына кадия Симавие вывели на базар и перед одной из лавок повесили. Еще и теперь в той стороне имеются его мюриды. О них рассказывают так много странного, что и передать невозможно.

М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 57—78.

VI. Идрис Битлиси. Восемь парадизов.

26-ой дестан, в котором рассказывается о шейхстве кадия Бедреддина Махмуда, известного под именем Симавун кади, о его восстании с целью приобретения областей путем возбуждения народа, об отправлении им во все стороны своих мюридов с целью привлечения народа и в особенности о посылке в Айдын Мустафы, о появлении упомянутого кадия в Румелии и о раскрытии ереси и вероотступничества среди народа.

[Цитируя ряд изречений из Корана о том, что правоверный, если он не хочет попасть во власть сатаны, должен неотступно следовать всем законоположениям шариата, Идрис Битлиси приводит в заключенные стих, в котором говорится]:

„Те господа света, которые имеют пристрастие к высоким постам, —
продажи;

Все они подобны самаритянину в науке:

Внешне они последователи Моисея, а внутри их — огонь.

Снаружи они сияют подобно луне, а умы их — помрачены.

Они бегут за чинами и званиями и — продают религию“.

В соответствии со смыслом сказанного и разъясненного, в месяцах реджеб-шабан-рамазан 810 (1407—1408) года произошло религиозное и политическое восстание и многие, слабые духом, сошли с правильного пути.

Рассказ. Жил тогда один из наиболее уважаемых кадиев и ученых, который в знании шариата был единственным из людей. Имея широкую славу в стране, он был известен под именем сына Симавие Бедреддина Махмуда. Он стал известен среди мусульман тем, что вступил на путь ереси и мистицизма и прославился своими странными обычаями в словах и деяниях. Среди ученых Рума были известны и почитаемы его писания, а из них особенно книга под названием „Собрание разделов“ (جامع الفصولين), которая представляла собой собрание основных принципов ханифитского фикха и описание качеств и достоинств праведной веры.

Сын султана Муса Челеби за его знания слова божия и законов сделал [Бедреддина] кадиаскером, и он был им до той поры, пока султан не победил своего брата. Султан, учитывая его достоинства и знания, оставил его в Изнике с тем, чтобы он занимался толкованием науки о религии и распространял истинную веру, направлял на правильный путь ищущих совершенства и предостерегал их от неверного пути. Однако он возымел склонность к ереси и радениям. Все свое время он употреблял на подвижничество и борьбу за веру, так что стал известен среди народа откровениями и чудесными деяниями. Однако он не достиг полностью больших путей благочестивых, а кичась ученостью, впал в хвастовство и спесивость, представляющие собой обычай тех, кто подчинился дьяволу. Он послужил причиной тому, что вокруг него стало собираться множество мюридов... Он стал причиной многочисленных отклонений [от истинной веры].

Одному из своих мюридов, по имени Мустафа, он дал позволение действовать в качестве шейха и послал его с целью привлечения народа в Айдын. Обманом и лицемерием [Мустафа] привлек на свою сторону в этих областях множество неопытных людей. Многих невежественных и простосердечных он поймал в западни лжи и обмана... Упомянутый

Мустафа дал разрешение своим безбожным еретикам-мюридам заниматься в укромных и тайных местах недозволенными и греховными делами. В короткий срок всевозможными сатанинскими уловками он собрал к себе около десяти тысяч человек и таким образом выполнил возложенную на него Бедредином обязанность распространить в народе безбожие и ересь.

[Бедреддин] убедился в том, что в один прекрасный день совершенное его мюридом и доверенным Мустафой, несомненно, отразится на его положении, а сопоставление ереси Мустафы с тем, что он является его последователем, будет также обращено против [Бедреддина]. Вследствие этого он неожиданно убежал из Изника к правителю Кастамону Исфендияру. А оттуда, переправившись через Черное море на корабле, он уехал в Валахию. [Из-за Мусы Челеби] у него была дружба с правителем Валахии. Несомненно также, что в основе этой дружбы лежала близость его ереси с неверием [кяфирством]. Правитель Валахии по личным соображениям оказал ему огромные почести и торжественный прием.

В это время слух о начале восстания и о [распространении] ереси учеником [Бедреддина] Мустафой в Айдыне дошел до ушей султана Мехмеда. Немедленно он дал указ на имя принца Мурада, бывшего правителем Малого Рума⁸ и Амасьи, чтобы он, собрав войско в Анатолии, поднялся против нечестивого Мустафы и направился в Айдын.

После прибытия принца упомянутый Мустафа не прекратил своих нападок на веру и мятежных действий. Со своим войском, состоящим почти из десяти тысяч еретиков-мюридов, он восстал против сына султана на почве ереси и вероотступничества. Началось сражение. В Карабуруне, входящем в состав Айдын-эли, они вступили друг с другом в страшную битву. Когда было пролито много крови, с помощью всевышнего войско еретиков было разбито. Было убито около четырех тысяч из числа мюридов Мустафы и из числа мюридов его единомышленника Торлака Кемала, у которого было две—три тысячи последователей. Уцелевшие от меча мести запросили пощады и по этой причине их оставили, принудив произнести слова символа веры.

В то время, когда происходило это сражение и уничтожение крामолы, султан направился в поход с целью завоевания Салоник. Однако завоевание крепости и города оказалось нелегким. Когда победоносное войско приобрело грабежом бесчисленную военную добычу, падишах отдал указ о возвращении. Когда они прибыли в Сероз, то султан узнал от вестников о том, что Симавна оглу кади Бедреддин Махмуд вышел из Валахии и с дьявольскими обольщениями, стремясь завладеть властью, появился в Дели Ормане, расположенном поблизости от области Силистрии, а также о том, что он разослал своих мюридов и доверенных во все стороны Румелии, а они еретическими речами, призывами к мятежу и пьянством совращали на путь неповиновения легковверных и заблудших. Рассказывали еще о том, что [Бедреддин] допускал и разрешал скотоподобным негодям из людей их жизотные, чувственные побуждения. Говорили, что восставшие Мустафа и Торлак Кемаль являются его приверженцами и сподвижниками и что это он послал их с целью, как он заявлял, „обращать в ислам“. Султан услышал и о том, будто Бедреддин обещал, что он по тайному знаку появится со своими мюридами и приверженцами и распределит страну между достойными. Путем установления главенства науки и единобожия, он уничто-

⁸ Малый Рум — так называлась у турок область в Малой Азии с центром в Сивасе.

жит законы общин и толков. Распространив нашу веру, — заявлял он, — мы дозволили некоторым запретные дела. Играя на низких страстях людей, он подобными словами многих собрал вокруг себя и, согласно духу своего тайного еретического учения, он разрешил мюридизм играть на сазе и пить вино. В короткий срок упомянутый мевляна Бедреддин достиг в тех краях чрезвычайной известности и славы.

В то время, когда султан возвращался из похода на Салоники, он услышал об этих событиях. Тогда же до него дошла приятная новость об успехе Мурада в ликвидации еретического движения в Айдыне.

Это подавленное восстание Мустафы — мюрида мевляны Бедреддина — вызвало изумление у падишаха, и он послал для уничтожения Бедреддина важнейших своих эмиров и особенно Баязида пашу с многочисленным войском. Вышеупомянутый [Бедреддин] проявил упорство в сражении, так как он обладал независимостью и смелостью. Против войск падишаха он выстроил линию своего войска. Вследствие того, что ложное дело [должно] потерпеть поражение, — глава ереси Бедреддин был побежден в битве за веру. Однако он бежал с поля битвы и скрылся в Дели Ормане. Здесь снова образовалось сборище мятежников и еретиков. Они приступили к мятежным действиям, и с каждым днем [численность их] возрастала. Баязид паша применил иные, разумные средства, и для того, чтобы поймать кадия Бедреддина, он забросил своих людей в тот же лес. Когда пришли вести о подавлении и уничтожении Мустафы и его приближенных, то и светильник лжи кадия Бедреддина был уже не столь ярким. По предложению Баязида паши некоторые из его людей вступили на путь приверженности кадию Бедреддину и стали его мюридами. Последние с помощью разных уловок схватили его в лесу и связали. Закованный в цепи, стыдящийся содеянных им мерзостей, он был привезен к султану и предстал пред ним.

Вследствие того, что упомянутый кадий был известен своей ученостью и талантами, составление фетвы в отношении его зависело от мнения мусульманской общины. Поэтому падишах для расследования его дела пригласил людей веры. Одного из известнейших ученых, только что прибывшего из Ирана, по имени мевляна Хайдар из Херата, падишах назначил вести спор с Бедреддином.

Мевляна Хайдар, начав речь ссылками на науку и подкрепляя их примерами из преданий, выдвинул против вышеупомянутого следующий священный хадис: „Если в то время, как собрались единомышленники вашего дела, пришел некто для того, чтобы расколоть ваше собрание, — убейте его“. Тогда все присутствующие ученые и мудрейшие из узеных обратились к кадию Бедреддину: „Как это могло случиться, что ты с твоими знаниями в области законоведения и наук, которые изложены тобой в столь достойных писаниях, опустился до восхваления порока и сатаны и отошел от истинного пути? Как это ты допустил существование среди мусульман ереси и сектантства в то время, когда существует твердо установленное дозволенное и недозволенное, являющееся причиной порядка в мире? Как это случилось, что в этих религиозных мятежах и бунтах ты поднял знамя неповиновения против султана мусульман? И вот теперь ты сам вынеси достойное юридическое решение по поводу содеянного тобой и разъясни, какое возмездие полагается за беспутные и беспримерные поступки твои“.

Тогда спрошенный кадий разъяснил и признал все обстоятельства своей виновности. Он сказал, что мятежное выступление против султана

является грехом, который может быть очищен лишь мечом правосудия всевышнего.

[Таким образом] вышеупомянутый кадий в происходившем споре не устоял ни в одном пункте и не причинил затруднений присутствующим улемам. На основании этого султан издал указ, укрепляющий дом победоносной религии, в соответствии с которым, подобно тому, как он [Бедреддин] нанес ущерб достоинству шариата и оросил землю кровью приверженцев ислама, его надлежало смешать с прахом улицы, чтобы это стало предупреждением для других врагов опекаемого шариатом султана, разрушающих религию. Однако султан оставил имущество и владения [Бедреддина] его детям.

Из приверженцев [Бедреддина], знавших еретическое учение секты, [султан] никого не оставил живым. Некоторые из них получили спасение путем обновления клятвенного покаяния и были высланы из земель, где была распространена ересь.

М. Шерефеддин. Ук. соч., стр. 58—60.

F. Babinger. Scheich Bedr ed-din..., S. 42—49.

VII. Коджа Хюсеин. История династии Османа

Один из ученейших того времени, автор книг *جامع الفصولين* и *تسهيل سيمافنا* оглу Махмуд Бедреддин, который во времена Мусы Челеби занимал пост кадиаскера, был султаном Мехмедом отправлен в Изник с содержанием в 1000 акче в месяц. Будучи искушенным во всевозможных науках и в мистике, он собрал вокруг себя множество учеников. Вскоре он приобрел широкую известность своим аскетизмом, святостью и чудодейством.

Из большого числа его учеников и мюридов выделился Бёрклюдже Мустафа, который был у него кетхудою во времена кадиаскерства и стал теперь его заместителем. Бёрклюдже был послан проповедником в Айдын-эли. Здесь он привлек на свою сторону множество из неразумных, невежественных и простосердечных. Скоро число приверженцев его достигло десяти тысяч человек.

Когда Бедреддин узнал, что попал в руки упомянутого еретика, и почувствовал, что из этого выйдет вред ему, он не остался в стране османов, а бежал к Исфендияру. Однако в Кастамону он не остался, а морем переправился в Валахию. Правитель Валахии встретил его дружелюбно, и они заключили союз.

Когда султан услышал о деяниях безбожника Мустафы, он отправил указ сыну своему Мураду, предписывая ему уничтожить ересь и возмущение в Айдыне. Услышав о приближении войск Мурада, более 10 000 безбожников, решившихся стоять на своем, сосредоточились в Карабуруне и вступили в жестокое сражение. С обеих сторон были огромные потери.

И еще Торлак Кемаль около 7000 человек обольстил ересью и безбожием. Остальные, приняв суннитство, спаслись от казни.

Пока Мурад занимался усмирением восстания в Анатолии, Мехмед со своим войском совершил поход в Румелию с целью захвата Салоник. Не достигнув этой цели, он подверг опустошению окрестности города и с огромной добычей прибыл в Сероз. Здесь до него дошли вести о восстании Бедреддина. Тот, собрав в Валахии толпы еретиков, прошел через Силистрию и Дели Орман. Он разослал своих мюридов во

все концы Румелии. Различного рода безбожными возбуждениями они подняли несколько тысяч человек и сделали их приверженцами шейха.

Бедреддин всюду заявлял, что Бёрклюдже и Торлак Кемаль являются его последователями. Он говорил, что ему предопределено владеть миром и разделить его между своими мюридами и приверженцами. Он предавался разным животным страстям и наклонностям, позволяя винопитие и другие различные запрещенные дела. Вследствие этого в Румелии в короткий срок проявилось разрушение религии и нарушение порядка в государстве.

Когда султан узнал об этом, а также о победе своего сына в Анатолии, он отдал приказ Баязиду паше уничтожить восстание. Тот выступил с большим войском. Произошло жестокое сражение. Армия Бедреддина была разбита, однако сам он бежал в Дели Орман. Там, вновь собрав отвратительные банды, не переставал бунтовать. Тогда Баязид паша, открыто готовясь к выступлению против шейха Бедреддина, тайно подготовил несколько верных людей, чтобы они, став мюридами Бедреддина, помогли его схватить. Они выполнили это. Тогда же был схвачен Торлак Худ бин Кемаль, и султан издал указ устроить диспут. Вести диспут был назначен только что прибывший из Ирана мюлла Хайдар Хюдаи. В споре Бедреддин был побежден, и тогда султан велел его казнить. Он был повешен в Серозе на базаре в наидание другим. Однако имущество шейха султан целиком оставил в руках его детей. Это было в 823 (1419/1420) году.

قوچه حسين — نوارديج آل عثمان
Рукопись ИВ АН СССР, № С. 564,
лл. 148-б—150-б.